

Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному

Северный Кавказ — это не застойное, архаичное общество. Это общество, переживающее драматичный, но совершенно не уникальный период разложения традиционной системы отношений и институтов

Ирина Стародубровская

Северный Кавказ все больше воспринимается как тяжелая, болезненная и практически неразрешимая российская проблема. Значительные бюджетные ресурсы, не дающие особого видимого эффекта; проблемы насилия и терроризма, порождаемые этим регионом; значимые культурные отличия, демонстрируемые его представителями, — все это формирует однозначно негативный облик Северного Кавказа в глазах жителей остальной России. Средства массовой информации привычно рисуют образ страны, которая имеет значительный потенциал развития и в целом ориентирована на общечивилизационные стандарты (хотя и в большей мере привержена консервативным ценностям), но дикий, архаичный Кавказ тянет ее назад. Общественное сознание воспринимает этот образ в качестве практически абсолютной истины.

Между тем не только обыватель, но и большинство экспертов вряд ли знают про Северный Кавказ что-либо, выходящее за рамки распространенных штампов: депрессивная экономика, не имеющая экономических перспектив; нищее, неразвитое население, живущее по архаичным обычаям; широкая популярность радикальных идей, по сути призывающих вернуться в средневе-

ковье; конфликтность и насилие как неизменные атрибуты населяющих этот регион этносов. Эта картинка, внутренне вполне логичная, на самом деле оторвана от действительности.

В рамках данной статьи я хотела бы рассмотреть расхожие представления о Северном Кавказе и продемонстрировать, насколько они соответствуют реальной ситуации в данном регионе. Знания о реальности почерпнуты из первых рук. В течение пяти лет наша команда¹ проводит полевые исследования в различных северокавказских республиках. Основной акцент был сделан на Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию и Дагестан, именно к опыту этих регионов я буду апеллировать в своем анализе. В этих республиках исследования распространялись на самые разные территории: города и сельскую местность, равнину и горы, а также на различные социальные страты и сообщества, в особенности на молодежь.

Начнем с самого главного, основополагающего стереотипа, из которого, собственно, так или иначе, вырастают все остальные: *Северный Кавказ – это отсталый, застойный, архаичный регион*. На самом деле, на Северном Кавказе в последние два с половиной десятилетия происходят столь радикальные,

динамичные и необратимые изменения, что в этом отношении его трудно сравнить с каким-либо другим российским регионом. Как и вся страна, Северный Кавказ за этот период пережил качественную трансформацию от плановой к рыночной экономике. Но на Кавказе она совпала с еще одной не менее радикальной трансформацией — от традиционного к современному обществу². В истории любой страны и любого народа подобная трансформация — один из самых болезненных периодов. Для этого периода характерны:

- незавершенный демографический переход, когда существенное снижение смертности еще не сопровождается адекватным падением рождаемости, тем самым резко растет население, усиливается конкуренция за ресурсы, возрастает потенциал насилия;
- разрушение традиционных социальных регуляторов при несформированности современных, что в социологической науке получило название *аномия* — «безнормие», беззаконие;
- активные миграционные процессы, в первую очередь урбанизация — перетекание сельского населения в города, что разрушает целостность городской культуры, усиливает аномию и конкуренцию за ресурсы;
- манифестация межпоколенческого конфликта не как межличностного, а как ценностного, причем конфликтность усиливается вследствие новизны и непривычности этого явления, нехарактерного для традиционного общества;
- пересекающиеся права на ресурсы, которые имеют своим источником как нормы и правила традиционного общества, так и современное законодательство.

Во всех этих характеристиках нет ничего специфически кавказского. Так, термин «аномия» ввел французский социолог Эмиль Дюркгейм на рубеже XIX и XX веков, о меж-

поколенческом конфликте писали, в частности, авторы российского сборника «Вехи» в 1909 году, на феномен пересекающихся прав на ресурсы обращал внимание Карл Маркс в «Капитале», характеризуя первоначальное накопление в Англии XVII века.

Но данная трансформация не бесконечна. И на Северном Кавказе уже видны признаки ее завершения.

Так, по результатам последней переписи населения, из всех северокавказских регионов суммарный коэффициент рождаемости существенно превышает уровень простого воспроизводства лишь в Республике Ингушетия и Чеченской республике. В некоторых других регионах, например в Республике Дагестан, сохраняется существенная внутрорегиональная дифференциация, но общий тренд на завершение демографического перехода просматривается достаточно четко. У отдельных северокавказских этносов, для которых в прошлом была характерна экстремально высокая рождаемость — карачаевцев, табасаранцев — в настоящий период происходит резкое снижение количества детей в семье. А большинство сообществ северо-западного Кавказа завершило демографический переход еще к началу 1990-х³.

То же можно сказать и про эффекты, связанные с процессом урбанизации. После массового отъезда образованного городского населения (как русского, так и местного) из северокавказских городов в начале 1990-х в течение достаточно длительного времени можно было с уверенностью говорить о господстве тенденции «село переваривает город». Но в последние несколько лет появились определенные признаки того, что «город начал переваривать село», по меньшей мере, в отдельных крупных городах. В них постепенно формируется вполне современная городская среда, не сильно отличающаяся от других крупных российских городов, а иногда и отличающаяся в лучшую

сторону. Так, в Махачкале складывается культура кофеен как современных коммуникационных площадок и «третьих мест», все более активно идет структуризация городского сообщества (многочисленные группы по интересам, дискуссионные площадки), формируется запрос на современную культуру общения.

Попробуем теперь разобраться с экономическим развитием. Правда ли, что *экономика Северного Кавказа глубоко депрессивна, характери-*

ситуация не везде характеризуется позитивными тенденциями, но при этом явно складываются центры активного экономического роста, динамично развивающиеся территории. На Северо-Западном Кавказе они существуют как в рамках формальной, так и в рамках теневой экономики. К первым, хотя бы частично, можно отнести давно функционирующие горнолыжные курорты — Приэльбрусье, Домбай, — где развитие идет не без проблем и конфликтов, но в целом

“Подавляющее большинство работников теневого сектора искренне считают себя безработными. На практике же реальная занятость достаточно высока”.

зуется отсутствием экономического роста, массовой безработицей и неспособностью к развитию? Заметим, что именно на этой предпосылке построена Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, которая на настоящий момент является основным документом, определяющим долгосрочные перспективы региона. Действительно, данный документ исходит из того, что для решения не только экономических проблем (депрессивность и безработица), но и социальных (борьба с радикальными идеями и насильственными практиками) необходимо ускоренное развитие, а этого невозможно добиться за счет использования внутреннего потенциала региона. Внутренних ресурсов накопления и инвестирования в бедных, застойных регионах нет, поэтому нужно привлечь инвесторов со стороны. А чтобы внешние инвесторы пошли на территорию со столь серьезными проблемами, государство должно обеспечить им масштабную поддержку, позволяющую страховать неизбежно высокие риски.

Между тем картина экономического развития на Северном Кавказе далеко не столь однозначна. Как и в любом регионе,

достаточно успешно, а также ряд современных промышленных предприятий, в том числе и возникших «с нуля». Теневой сектор представлен, в частности, «трикотажным кластером» в Карачаево-Черкесии, использующим вполне современные технологии, профессиональные дизайнерские решения и имеющим широкий рынок сбыта. Что касается Северо-Восточного Кавказа, то тут развитие в рамках теневой экономики явно преобладает, но «очаги модернизации» достаточно многочисленны как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Здесь, хотя и не очень быстро, происходит технологическая модернизация (например, внедрение новых сортов, капельный полив, анализ почв, современные хранилища в растениеводстве), развиваются современные логистические сети, кое-где начинается формирование собственных брендов.

Конечно, это не значит, что в экономике Северного Кавказа нет серьезных проблем, решение которых требует целенаправленных усилий власти и общества. Попробуем обозначить основные из них.

Развитие практически любой, не связанной с государством экономической деятель-

ности на Северном Кавказе имеет достаточно четкий «потолок». В условиях недейственности правовых норм и тотальной коррупции каждый бизнес, по тем или иным причинам обративший на себя внимание, попадает в зону повышенного риска. Тем самым вместо расширения вложений в экономическую деятельность и развития бизнеса местные предприниматели предпочитают «не высываться». И тратят полученные доходы на престижное потребление — дорогие дома, машины, роскошные свадьбы, драгоценности и т. п. Либо вкладываются в другие регионы, где инвестиционный климат представляется более благоприятным. Поэтому основная проблема, собственно, не в том, что в регионе нет ресурсов для инвестирования, а в том, что издержки легализации и барьеры для инвестиций настолько высоки, что собственники предпочитают не рисковать.

Экономика региона несет в себе значительные риски, связанные с нестабильностью спроса и условий производства. Особенно наглядно это можно продемонстрировать на примере растениеводства. Факторы нестабильности здесь — изменение конъюнктуры рынка и климатические условия. Ярким примером их влияния стала динамика капустного бизнеса — одного из наиболее активно развивающихся «очагов модернизации» на Кавказе. Благоприятная конъюнктура рынка в один из прошедших годов позволила производителям капусты получить аномально высокие доходы. Это создало стимулы для неконтролируемого расширения производства как в рамках «капустного кластера», так и со стороны производителей других сельскохозяйственных продуктов (моркови, картофеля), которые переключились на выращивание капусты. В результате на следующий год спрос превысил предложение, и цены резко упали. Ранние морозы, погубившие значительную часть урожая, завершили дело — потери сельхозпроизводителей оказа-

лись велики. А в условиях теневой экономики страхование рисков, естественно, не предусмотрено.

Положение работников в рамках теневой экономики также отличается нестабильностью и незащищенностью. Отсутствие социальных гарантий, варьирование занятости и оплаты труда в широких масштабах в зависимости от конъюнктуры рынка, ненормированный рабочий день и рабочая неделя — все эти факторы отличают положение работающего в теневой экономике от официально занятого. И порождают у местного населения ощущение неустойчивости собственного положения и неопределенности жизненных перспектив.

Последний фактор необходимо принимать во внимание, когда мы говорим о высокой безработице на Северном Кавказе. Дело в том, что подавляющее большинство работников теневого сектора искренне считают себя безработными. На практике же реальная занятость, судя по всему, достаточно высока не только среди мужского, но и среди женского населения. Во время одной из первых моих поездок в регион на вопрос об основных проблемах территорий чиновники отвечали достаточно единообразно: безработица и отсутствие детских садов. И только при попытке уточнить, почему в условиях массовой безработицы женщины не могут сидеть со своими детьми, выяснялось, что на самом деле все они заняты: кто на рынке, кто в личном подсобном хозяйстве, кто в теновом цеху.

В общественном сознании Северный Кавказ характеризуется не только застоем, но и высокой конфликтностью. Причем считается, что *наиболее важную роль играют межнациональные конфликты, связанные с тем, что на Северном Кавказе совместно проживает множество различных этнических групп, негативно настроенных по отношению друг к другу*. Так ли это? Данный вопрос требует развернутого

комментария, но сразу можно сказать, что сводить корень проблемы к межнациональным отношениям является недопустимым упрощением.

Для того чтобы понять реальные источники конфликтности, вспомним три из приведенных выше характеристик трансформации традиционного общества: незавершенность демографического перехода, активные миграционные процессы и пересекающиеся права на ресурсы. Очевидно, первые две характеристики объясняют, почему на Северном Кавказе столь высока конкуренция за ресурсы и статусы, а третья демонстрирует, что в этой конкуренции нет однозначных правил игры. В подобной ситуации этничность является не источником конфликта, а одной из форм мобилизации в конкурентной борьбе за ресурсы и статусы. Претензии на «этнические» земли, на распределение должностей с учетом этнических квот — дополнительные аргументы в этой борьбе.

Подобная «инструментальная» роль этничности хорошо видна в земельных конфликтах на Северном Кавказе — именно том типе конфликтов, который наиболее часто относят к межнациональным. Рассмотрим этот вопрос на примере Республики Дагестан. В результате сохранявшейся на отдельных территориях высокой рождаемости, а также активной миграции населения с гор на более пригодные для жизни территории, равнинные земли во многих местах оказываются в дефиците. Причем не только для ведения сельскохозяйственного производства, но и под застройку: в соответствии с местными традициями, каждая семья должна иметь свое отдельное жилье, а народу становится все больше. Ситуация осложняется еще и тем, что значительная часть равнины (как говорят в Дагестане, «плоскости») имеет статус земель отгонного животноводства и по факту предоставлена в распоряжение жителей горных районов не только для ведения хозяйства, но и для переселения.

В этих условиях создается социальная база для земельных конфликтов.

На практике эти конфликты могут принимать разнообразные формы. Они могут затрагивать одну этническую группу (например, конфликт между разными муниципальными сообществами, где проживают люди одной национальности, или между руководством муниципалитета и его жителями) или происходить между разными этническими группами. По своей сути и в той, и в другой ситуации конфликты однотипны. Но во втором случае начинается мобилизация сообщества под этническими лозунгами, и на поверхности конфликт, являющийся, по сути, ресурсным, приобретает межэтническую окраску. Особенно часто этнический компонент становится значимым в силу клановой структуры властных отношений. В результате, благодаря связям во властной элите, представители той или иной национальности получают очевидный привилегированный доступ к дефицитным ресурсам.

Конфликт, межэтнический по форме, может порождаться и другими факторами. Например, в результате миграции с гор на равнину новые жители приносят с собой не только собственные культурные нормы, но и альтернативные хозяйственные модели. Для потомственного животновода с гор старые яблони не несут особой культурной нагрузки и легко могут быть срублены, если необходимо освободить место во дворе. Для потомственного садовода с равнины такое действие выглядит кощунственным. Скот, гуляющий по территории поселения, для животновода — обычная картина, для огородника — угроза урожаю. Подобное столкновение хозяйственных моделей и связанных с ними культурных норм также нередко искаженно интерпретируется в терминах этнических противоречий.

Однако в последнее время роль мобилизации под этническими лозунгами явно снижа-

ется. Это связано в первую очередь с двумя факторами. Во-первых, все больше осознается, что земельные конфликты порождены не столько несовместимыми интересами простых людей, сколько мотивами властной элиты. В одном из хозяйственных земельных споров, где стороны конфликта принадлежали к разным этническим группам, его участники говорили, что «Магомед» (простой человек) одной национальности

ных формирований, членов которых называют ваххабитами; распространение различных исламских течений, которые принято относить к радикальным и экстремистским, — все это, вроде бы, не оставляет сомнений в том, что приведенные выше тезисы — не мифы, а тревожная реальность. И все же попробуем проанализировать, что на самом деле скрывается за теми фактами, наличие которых никто не собирается отрицать.

“На Северном Кавказе этничность является не источником конфликта, а одной из форм мобилизации в конкурентной борьбе за ресурсы и статусы”.

и «Магомед» (простой человек) другой национальности вполне могут найти компромисс. А вот что делать в этой ситуации с интересами «Магомеда Магомедовича» (важного человека) — совершенно непонятно. Во-вторых, в условиях все более широкого распространения исламского дискурса националистическая повестка размывается. Для последовательных сторонников ислама все мусульмане — единая умма (община), и в этом контексте этничность значения не имеет. Хотя динамика здесь не столь однозначна и значимость этнических движений регулярно возрождается, успешная конкуренция со стороны исламской идеологии ослабляет потенциал этнической мобилизации.

Однако остается вопрос об исламской мобилизации. Правда ли то, что *на Северном Кавказе все большую роль приобретают фундаменталистские исламские учения, которые зовут назад в Средневековье и стремятся к построению теократического государства?* И действительно ли сторонники этих учений готовы вооруженным путем свергнуть светскую власть и установить религиозную диктатуру? Факты многочисленных терактов против представителей российского государства (в первую очередь силовых ведомств); наличие незаконных вооружен-

Начнем с так называемого фундаменталистского ислама. Действительно ли основная причина распространения этого течения (точнее, целой совокупности исламских течений, которые далеко не во всем согласны друг с другом) — это деятельность зарубежных миссионеров и отсталость местного населения? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним еще две характеристики переходного общества — аномию и межпоколенческий конфликт. И опять же не забудем про урбанизацию.

На протяжении постсоветского периода молодые люди (а фундаменталистский ислам весьма молод) на Северном Кавказе, вступая в жизнь, оказываются в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, практика предшествующих поколений часто не может служить им путеводной нитью — реальность меняется столь быстро и резко, что полагаться на прошлые рецепты невозможно и приходится искать новые решения. С другой стороны, они попадают в мир, где отсутствуют общепринятые «правила игры», каждый преследует лишь собственный интерес, вертикальные лифты во многом перекрыты, и чрезвычайно сложно найти опору для построения жизненных стратегий.

Очевидно, в этой ситуации формируется активный запрос на:

- собственную систему ценностей, отличную от той, что была у родителей (и предков вообще), чей опыт оказался бесполезен в новой ситуации и не смог стать жизненным ориентиром;
- систему правил и норм, обязательность которых не может быть оспорена и которые имеют более серьезное основание,

Всевышнего, и потому не может быть оспорена людьми. Причем представители нетрадиционного ислама выступают за безоговорочное соблюдение тех правил и установлений, которые содержатся в священных текстах (а в исламе они достаточно детально регламентируют жизнь мусульман). Тем самым возникает точка опоры, целевая функция, которую многим молодым людям сложно найти в условиях анонии, и их жизнь, таким образом, стано-

“Нетрадиционный ислам становится базой формирования молодежных сообществ, объединенных общими ценностями”.

чем просто договорённости людей и авторитет старших;

- сообщество единомышленников, в рамках которого можно выстраивать горизонтальные связи, воспринимать и перерабатывать новый опыт и для которого обязательность выбранной системы правил и норм не может быть поставлена под сомнение.

Собственно, распространяющиеся в последнее время на Северном Кавказе исламские течения⁴ вполне отвечают подобным запросам. Во-первых, течения нетрадиционного ислама в отличие от религиозных взглядов, свойственных предшествующим поколениям, не предполагают безоговорочного подчинения авторитетам, приветствуют духовный поиск. В социальной жизни они так или иначе выступают как протестные идеологии, позволяющие молодежи выразить свое неприятие того мира, который был создан старшими без их участия. Но в то же время эти течения не требуют от своих сторонников радикального разрыва с культурными нормами, которые характерны для традиционного общества (протест в виде хиппи или панк-культуры для современного Кавказа представляется немыслимым). Во-вторых, ислам дает представление о нормативности, которая идет непосредственно от

более упорядоченной и предсказуемой. Наконец, нетрадиционный ислам становится базой формирования молодежных сообществ, объединенных общими ценностями и не имеющих других «барьеров входа», кроме принадлежности к определенной идеологии. Причем речь идет как о реальных сообществах, где люди знают друг друга лично, так и о воображаемом сообществе⁵ — единой исламской умме, что позволяет ощущать себя частью глобального движения, которое влияет на судьбы мира.

Очевидно, для различных групп молодежи важными оказываются разные черты нетрадиционного ислама. Молодых интеллектуалов привлекает самостоятельный духовный поиск, возможность самовыражения, социальный протест. Для бизнеса весьма полезным оказывается установление четких «правил игры» с контрагентами и работниками на основе исламских норм (любая другая нормативность в условиях анонии работает очень плохо, впрочем, и исламская не всегда помогает). Молодой мигрант, приехавший из села и испытывающий трудности адаптации в городе, будет счастлив найти сообщество, где к нему не станут предъявлять особых требований, а также хоть какую-то «систему координат», позволяющую ориентироваться в непонятном и некомфортном мире.

Как все это соотносится со стремлением построить теократическое государство на фактически средневековых принципах? По-разному. Большинство сторонников нетрадиционного ислама утверждают, что пока люди к этому не готовы и перспективы халифата отодвигаются в неопределенное будущее. Поэтому сейчас необходимо действовать проповедью, показывать пример праведной жизни (не пить, не курить, не ругаться, уважительно относиться к окружающим), не лицемерить и бороться за справедливость в обществе. Возникает интересный парадокс — носители вроде бы наиболее реакционных, архаичных взглядов оказываются проводниками вполне современных представлений об образе жизни, культуре общения, самопозиционировании в обществе; представители ряда течений нетрадиционного ислама активно участвуют в гражданской, правозащитной деятельности. Такие парадоксы — характерная черта переходных обществ, естественное следствие переломных моментов в истории.

Но где же в этой далеко не однозначно негативной картине появляются насилие, убийства, терроризм? Нетрадиционный ислам и терроризм можно рассматривать как пересекающиеся, но далеко не совпадающие множества. Среди нетрадиционных мусульман значительная часть отрицает насильственные методы достижения собственных целей. По информации, которую удастся получить, естественно, из вторых рук, сейчас среди участников незаконных вооруженных формирований идейных исламистов явное меньшинство. Кто же остальные? Судя по всему, это достаточно разные группы людей, примкнувшие к вооруженной борьбе по различным причинам.

Во-первых, отождествление нетрадиционного ислама и терроризма на Северном Кавказе привело к тому, что многие молодые люди подверглись издевательствам и преследованиям просто потому, что их религиозные взгляды не соответствовали «мейнстриму».

В результате эти люди, изначально вполне мирные, начинают мстить за себя либо за своих близких и включаются в вооруженную борьбу. Специалисты называют это явление замкнутым кругом, или спиралью насилия. Все новые жертвы и мученики с каждой из сторон создают стимулы для мести, для продолжения насилия, и конфликт становится самовоспроизводящимся вне зависимости от его исходных причин.

Во-вторых, определенная часть боевиков — это наемники или просто бандиты, которые участвуют в вооруженной борьбе, руководствуясь финансовыми интересами. Именно с ними в первую очередь связывают «рэкетирскую» составляющую вооруженного подполья — рассылку бизнесменам флэшек с требованиями выплатить крупную денежную сумму на «джихад» (и с угрозами в адрес тех, кто осмелится не подчиниться) и обслуживание интересов криминализованных сегментов властной элиты.

Наконец, в-третьих, в лес действительно уходит дезориентированная, не нашедшая себя в жизни молодежь, часто из социально неблагополучных районов, люмпенизированных семей. И здесь лозунги исламского джихада очевидно пользуются определенной популярностью. Однако необходимо понимать, что в данном случае мы имеем дело не с глубокими знаниями ислама и не с осознанным идеологическим выбором. Скорее, в данной среде существует запрос на насильственный протест, который связан с глубоким внутренним отчуждением от того социума и государства, в котором эти люди живут, с ощущением враждебности по отношению к ним общественных и властных структур и осознанием невозможности обеспечить себе вертикальную мобильность. Если бы этот запрос не удовлетворялся джихадистской версией ислама, нашлась бы другая радикальная идеология, которая была бы взята на вооружение (в прямом и переносном смысле этого слова).

Подведем итоги. Итак, Северный Кавказ — это НЕ застойное, архаичное общество. Это общество на переломе, переживающее драматичный, но совершенно не уникальный период разложения традиционной системы отношений и институтов.

Экономика данного региона НЕ является депрессивной и неспособной к росту. Как и на любой другой территории, здесь есть зоны застоя и зоны активного развития. Особенность Северного Кавказа состоит в том, что это развитие во многом осуществляется в рамках теневой экономики, что создает значительные барьеры для расширения бизнеса и усиливает нестабильность положения как работников, так и работодателей.

Полиэтничность НЕ является основной причиной конфликтов на Северном Кавказе. Но в борьбе между разными группами интересов за ресурсы и статусы активно используется этнический фактор и этническая мобилизация.

Нетрадиционный ислам выражает НЕ стремление архаичных, отсталых социумов к возврату в Средневековье. Скорее это ответ на те вызовы, с которыми сталкивается молодежь региона в условиях разложения традиционного общества, ответ, в котором смешиваются черты архаики и модерна.

Вооруженная борьба и нетрадиционный ислам — это НЕ совпадающие, хотя и пересекающиеся множества. Значительное число сторонников нетрадиционного ислама не приемлет насилия, значительная часть участников незаконных вооруженных формирова-

ний примкнула к движению не из идеологических соображений.

Какие же выводы можно сделать из проведенного анализа?

Во-первых, Северный Кавказ — это регион, безусловно имеющий определенную специфику. Но эту специфику не следует преувеличивать. Отсутствие правового государства, клановость, коррупция, воинствующий традиционализм — это далеко не только кавказские проблемы, это болезнь, которой в разной степени болеет вся страна. Когда на достаточно представительном собрании лидеров гражданского общества Северного Кавказа (в том числе нетрадиционных мусульман) обсуждался вопрос об основных проблемах региона, явный приоритет был отдан двум — честные выборы и верховенство закона. Это — общероссийская гражданская повестка.

Во-вторых, Северный Кавказ — это средоточие серьезнейших проблем, глубоких конфликтов, масштабных трудностей. Но эти проблемы и конфликты — совсем не те, которые бытуют в общественном сознании и в представлениях лиц, принимающих решения. А если диагноз неверен, вряд ли можно назначить адекватное лечение. Поэтому не стоит удивляться, что используемые для улучшения ситуации на Северном Кавказе инструменты не работают. Нужно применять новые подходы, учитывающие реальное положение вещей в регионе, имеющийся здесь потенциал и барьеры на пути развития и основанные на широкой общественной и экспертной дискуссии⁶. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Исследования ведутся в рамках научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара и Центра регионального развития и урбанистики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС. В полевых исследованиях принимали участие, кроме автора данной статьи, К. Казенин,

Д. Лободанова, И. Стариков, А. Чепурная и ряд других сотрудников.

² Вопрос о влиянии советской модернизации на Северный Кавказ, безусловно, неоднозначен. С одной стороны, коллективизация, антирелигиозная политика и насильственная депортация ряда народов серьезно потрясли свойственные этому региону традиционные структуры (а севе-

рокавказское общество вошло в советский период более традиционным, чем, например, центральные регионы страны). Центрами модернизации стали города, где развивалась промышленность и к позднесоветскому периоду сложились прото-структуры гражданского общества (но эти центры были фактически разрушены массовым оттоком квалифицированного населения, деурбанизацией и деиндустриализацией, характерными для начала 1990-х годов, о чем ниже). С другой стороны, консервативный характер советской модернизации не способствовал подрыву таких институциональных черт традиционного общества, как подавление индивидуализма, иерархичность, внешний характер социального контроля. Кроме того, глубина проникновения советской трансформации не везде была одинаковой — в некоторых горных районах Дагестана, например, формально обобществленные колхозные земли, по сути, находились в пользовании своих бывших владельцев. В этих условиях базовые структуры традиционного общества, по меньшей мере на селе, во многом сохранили свою живучесть, что и проявилось после падения коммунистического режима.

³ По результатам последней переписи населения суммарный коэффициент рождаемости превышает уровень простого воспроизводства только по двум регионам — Республике Ингушетия и Чеченской Республике. По Дагестану он находит-

ся в пределах 2, по остальным северокавказским республикам — от 1,8 до 1,5. Но при этом необходимо учитывать, что в начале 1990-х суммарный коэффициент рождаемости по северокавказским республикам находился в промежутке от 3,1 до 2,2, в Республике Дагестан и Чечено-Ингушетии он был выше 2,7, демографический переход мог считаться завершенным только в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Поэтому возрастные когорты находящиеся сейчас во взрослом состоянии либо в него входящие, еще достаточно многочисленны.

⁴ Подобные исламские течения называют по-разному: фундаменталистский, радикальный, чистый, нетрадиционный ислам — и все эти термины не очень удачны. Далее мы будем пользоваться последним термином — нетрадиционный ислам — для обозначения совокупности различных исламских течений и направлений (салафиты, ихваны Хизб-ут Тахрир и т. п.), получивших распространение, в первую очередь, в молодежной среде.

⁵ Понятие воображаемого сообщества ввел в научный оборот Бенедикт Андерсон. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

⁶ Автор данной статьи уже неоднократно высказывала свою точку зрения на то, каковы эти подходы. См., например: *Стародубровская И., Казенин К.* Экспертный доклад «Северный Кавказ: *quo vadis?*» (<http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/>).